

дополнения, направленные к сближению сказки с нашим современным мировоззрением. Но степень мотивированности, точности и органичности этих изменений по отношению к первоначальной идейно-тематической и сюжетной структуре сказки во всех трех пьесах разная, а она-то, как мне кажется, и определяет успешность решения задачи, т. е. качество новой полученной таким образом пьесы-сказки.

Меньше всего в этом отношении претензий вызывает «Аленький цветочек». Идеальная сторона сказки не подверглась каким-либо заметным изменениям, разве что сестры Аленушки написаны более злыми, лепивыми и неискренними, чем их намечает сказка. Правда, И. Карнаухова и Л. Браусевич ввели в пьесу бабу-ягу, лешего и кикимору, как темную силу, мешающую проникновению Аленушки во дворец, где находится заколдованный царевич. Но сделанная из угодку так называемой сценичности, эта привнесенная линия нечистой силы не роняет той органической взаимосвязи, которая существует между идейным содержанием сказки и ее сюжетом, т. е. того, на чем зиждется ее мораль. В этом — ценность инсценировки.

Монгольская сказка, положенная в основу «Чудесного клада», изначально имела тот социальный, классовый характер, в котором для нас заключается ее главный смысл. П. Маляревскому в этом отношении не пришлось ничего ломать и преодолевать, он только сценически развил и заострил образы действующих лиц. Кое-где и он погрешил против первоначального сюжета и против народной сказочной традиции, в частности, в разработке любовных отношений между Баиром и Янжиной.

Желание приблизить Баира к современному представлению о народном герое заставило П. Маляревского усилить в нем черты сознательного и активного борца за социальную справедливость. В тех случаях, когда театр идет в этом направлении еще дальше автора, получается явное расхождение между идейной задачей роли Баира и ее сюжетно-действенными возможностями: ведь вся вторая половина пьесы не дает ничего не только для героического, но и для сколько-нибудь активного поведения Баира.

Разрыв между идейным содержанием и сюжетом сказки, которого счастливо избежали И. Карнаухова и Л. Браусевич, в пьесе П. Маляревского обнаруживается в разных

спектаклях по-разному — то в режиссерской трактовке, то в актерском исполнении. Сказывается он и в постановке Саратовского тюза, в частности, в сбивчивом решении образа самого Баира артистом (он же режиссер спектакля) В. Давыдовым.

Более опасных размеров достигает этот разрыв в «Золотом сердце». Если у А. С. Пушкина злая царица движима чувством ревности, зависти и злобы, если она умирает просто оттого, что ее «тоска» взяла» при виде живой и счастливой надерщины, то пьеса А. Матвеева пытается вывести тему вражды царицы и царевны за рамки личных «мачеховских» отношений. Автор ставит в своей пьесе тему борьбы с общественным злом, борьбы за народное счастье. Именно этой цели и служат все изменения, внесенные в сюжет и в характеристику образов. И все же попытку эту нельзя назвать вполне удавшейся: тема народной борьбы не нашла точного образного воплощения ни в одном из действующих лиц и в сюжете она осталась только словесной, но не действительной, не сценической. Ни царский приемный сын Василий, ни девушка-зеркальце, ни шестеро лесных братьев с их неопределенной профессией, ни даже Чернавка не выражают подлинных интересов народа, с которым они связаны разве только происхождением. Да и тот «дворцовый переворот», которым оканчивается борьба с царицей Хадасатой, не что иное как условие, без которого не могла бы состояться свадьба Василия и Царевны. Так в финале пьесы, быть может, неосознанно для автора, личная тема еще раз взяла верх над общественной.

Многие склонны считать обязательным новым трактовать старые сказки, — в этом они видят единственный способ приблизить пьесу-сказку к нашей современности и тем усилить ее воспитательное значение. Не думаю, чтобы это было всегда верно. Степень современности той или иной сказки измеряется, в конечном счете, не сходством сказочных образов с характерами и поступками современных людей, а степенью нужности и полезности этой сказки для воспитания характера социалистического человека, для воспитания коммунистической морали.

В докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. А. М. Горький говорил: